

Дибиров Ибрагим Ашрапудинович, Махмудов Хаджимурат Ахмадуевич
**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПЕЙОРАТИВНЫХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО И АВАРСКОГО ЯЗЫКОВ**

В данной статье рассматриваются особенности функционирования категории пейоративности в аварском языке в сопоставлении с русским. Проводятся сравнение и сопоставительный анализ примеров употребления пейоративов в аварском и русском языках, негативно-оценочная коннотация которых направлена на нарушение общественных и моральных норм человеком. Основное содержание исследования составляет дифференциация расхождений в коннотации одного и того же явления, характерных для фразеологизмов самых разных языков как по структуре, так и по типологии. В статье раскрываются вопросы и выявляются отличия в способах вербализации средствами обоих языков одинаковых явлений и поступков. В качестве исследовательской задачи авторами была определена попытка оценить и изложить взгляды на процесс перехода негативной коннотации к негативно-оценочной.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(75): в 2-х ч. Ч. 2. С. 111-115. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81.115

В данной статье рассматриваются особенности функционирования категории пейоративности в аварском языке в сопоставлении с русским. Проводятся сравнение и сопоставительный анализ примеров употребления пейоративов в аварском и русском языках, негативно-оценочная коннотация которых направлена на нарушение общественных и моральных норм человеком. Основное содержание исследования составляет дифференциация расхождений в коннотации одного и того же явления, характерных для фразеологизмов самых разных языков как по структуре, так и по типологии. В статье раскрываются вопросы и выявляются отличия в способах вербализации средствами обоих языков одинаковых явлений и поступков. В качестве исследовательской задачи авторами была определена попытка оценить и изложить взгляды на процесс перехода негативной коннотации к негативно-оценочной.

Ключевые слова и фразы: сравнительно-сопоставительное языкознание; негативная оценочность; пейоративы; фразеологические единицы; эмотивность.

Дибиров Ибрагим Ашрапудинович, д. филол. н., профессор

Махмудов Хаджимурат Ахмадуевич

Дагестанский государственный педагогический университет, г. Махачкала

ibragim.58.58@mail.ru; mahmoodow@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПЕЙОРАТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ РУССКОГО И АВАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Понятие «языковая картина мира» было введено в научную терминологическую систему немецким лингвистом Й. Л. Вайсгербером [3, с. 112]. Он исходил из того, что восприятие мира осуществляется мышлением, но при этом также задействуются средства родного языка: «Нет сомнения в том, что многие укоренившиеся в нас воззрения и способы поведения и отношения оказываются “выученными”, то есть общественно обусловленными, как только мы проследим сферу их проявления по всему миру» [4, с. 117].

В последние годы языковая картина мира становится одной из наиболее актуальных тем отечественного языкознания.

Среди характерных признаков языковой картины мира В. А. Маслова отмечает антропоцентричность и пейоративность [12, с. 150].

В свою очередь, пейоративность определяется С. В. Лескиной как «свойство языковых единиц, проявляющееся в способности реализовывать семантику неодобрения, критики, презрения и порицания в адрес представителей социума, чьи поступки или личностные качества не соответствуют моральным и социальным нормам общества, что проявляется в девиантном поведении, нарушающем общественное спокойствие и общественные правила, принятые в социуме, доставляет неудобство и наносит этический, моральный или физический ущерб представителям социума» [8, с. 32].

Сравнительно-сопоставительный анализ пейоративов на материале фразеологических единиц аварского и русского языков является актуальным в связи с неисследованностью фразеологизмов аварского языка с точки зрения негативно-оценочной коннотации, необходимости освещения функционирования категории пейоративности в аварском языке. Таким образом, анализ фразеологизмов с пейоративной и негативно-оценочной коннотацией является не только изучением особенностей характера и мировоззрения (мировосприятия) аварского и русского народов, но в то же время представляет собой подспорье в дальнейшем исследовании проблем аварской фразеологии.

Исследование в таком формате будет содействовать не только самой фразеологии, но также будет удовлетворять основным принципам антропоцентризма, затрагивая национальные особенности двух народов, которые сосуществуют уже на протяжении двух веков. Сопоставительный анализ фразеологизмов разносторонних языков позволит найти ответы на вопросы о том, что и как оценивает определенный социум, а также разъяснит поведение его отдельных представителей.

В результате проводимого анализа языкового материала планируется изучить на основе фразеологических единиц особенности различного трактования, восприятия одного и того же явления в сопоставляемых языках, так как уничижение и осуждение аморальных и асоциальных поступков отражается во фразеологии русского и аварского языков.

Например, такие качества, как простодушность и доверчивость. В русском языке большинство фразеологизмов характеризует данное качество как отрицательное, но вместе с тем отсутствие в некоторых случаях пейоративной коннотации указывает на сострадательное отношение к такому качеству человека:

А сам Николай Евграфыч глядит на этой фотографии таким простаком, добрым малым, человеком-рубахой; добродушная семинарская улыбка расплылась по его лицу, и он наивно верит, что эта компания хищников, в которую случайно втолкнула его судьба, даст ему и поэзию, и счастье (А. Чехов. Супруга) [13]...

Хотя объект номинации и выступает в роли *простака, доброго малого* – наивного человека, уничижительная коннотация направлена на группу людей, которая хочет его обмануть, которых автор оценивает как *компанию хищников*.

Приведем еще аналогичные примеры:

После разоблачения Азефа и всего пережитого в связи с этим мы были и сами уже другими – исчезла наивная доверчивость к людям, остыла любовь – холодными остановившимися глазами смотрела теперь на нас суровая, часто безжалостная жизнь (В. Зензинов. Пережитое) [Там же].

Знай попрекала за его длинный язык, за детскую доверчивость (В. Быков. Бедные люди) [Там же].

В аварском языке доверчивость подвергается порицанию, зачастую при этом для вербализации употребляются фразеологизмы-зоонимы, в основном для усиления уничижительной оценки:

Дицаги чанида тIад квер бахъула, щибаб чухъаялъе баркала къола. Ва амма бацIазе вехъльги гъабизе, гъаб дуниялалде вачIун вукIинчIо. / Я тоже со всеми стараюсь быть отзывчивым, каждому оказываю знаки внимания и уважения. Но не для того я родился, чтобы верить на слово недоброжелателям [10, с. 92].

Аварская безэквивалентная негативная фразеологическая единица *бацIазе вехъльги гъабизе* (букв. быть пастухом у волков) семантически обозначает «быть без причин доверчивым, сближаться с недоброжелателями». Общеизвестно, что основным врагом любого пастуха является волк, который может причинить вред как стаду, так и ему самому. Связь, проведенная во фразеологизме между двумя «непримиримыми» сторонами, противопоставляемыми, несовместимыми понятиями, усиливает пейоративную оценку. В русском языке примерами таких параллелей могут быть *кот на голубятне, пустить лису в курятник, довериться козе капусту, посадить свинью за стол, волк в овчарне* и так далее. Вместе с тем выявленные примеры использования подобного рода устойчивых выражений в русском языке допускают отсутствие уничижительной оценки доверчивости и, вообще, присутствие значения «наивность», «ребячество» в семантическом поле фразеологической единицы:

Тонкие конопатые пальчики в рыжих волосках должны были обязательно повернуть каждую фигурку, черепок, камешек, иконку, потрогать гравюру, литографию, поласкать старинную мебель. Волк в овчарне. Вера провезла нас по городу, показала местную здравницу (Ю. М. Нагибин. Дневник) [13]...

Приведем пример с пейоративной коннотацией:

В то время как родина, истекая кровью, последним усилием старается сбросить с себя гидрою обвившегося вокруг нее врага, вы дали одурманить себя шайке безвестных проходимцев и превратились в несомнительный сброд, в скопище разнузданных негодяев, обожравшихся свободой, которым, что ни дай, им все мало, вот уж подлинно, пусти свинью за стол, а она и ноги на стол – о, я пройму, я пристыжу их (Б. Л. Пастернак. Доктор Живаго) [Там же]!

В указанном случае уничижению подвергается рассеянность, невнимательность, далее следует градация пейоративной оценки, переходящей последовательно к разнузданности и ненасытности.

МугIрул хIикмалъана дир хIисабазда: мун хIамил гIинзунив гIун ватилла. Миллионал соназ бугин къва-рилъги, къо тIаде ккечIого, дуда бухIичIин. / Горы стали мудрее от моих мыслей: ты же, видимо, как вырос в ослином ухе, так и остался недотепой. Испокон веков заведено, пока беда не коснется тебя самого, не осознаешь ее тяжесть [11, с. 173].

В данном примере объект пейорации подвергается уничижению посредством аварской фразеологической единицы *хIамил гIинзунив гIун вукIине* (букв. в ухе осла выросший) – быть недогадливым, недалеким, в какой-то степени невежественным человеком. Иногда данный фразеологизм употребляется в аварском языке для обозначения людей, не знающих рамок приличия. В основном же им именуются простофили, недотепы, недоучки.

Глупых, бестолковых людей в аварской языковой картине мира обозначают устойчивым выражением *бетIер гъечI* (букв. безголовый, пустая голова, пустоголовый). Встречаются примеры употребления данного оборота в значении *простофиля, недотепа*.

БетIер гъечI, тIагъур Iодо, кIалъан вихъея цоги. Дир цин гъелегъарабин, гъанже кквезе вукIа мун. / Сам безголовый простофиля, а шапку нацепил огромную, только скажи еще что-нибудь. Ты уже вывел меня из себя – жди, когда попадешься [9, с. 286].

Компонент *бетIер гъечI* достаточно распространен в аварском языке, с ним встречаются множество пословиц – *БетIер гъечIеб бо биххулеб, бетIергъанлъги гъечIеб боцIи цуцIалеб* [14]. / *Войско без предводителя развалится, скотина без хозяина рассеется. БетIер гъечIеб бодуе рагъда талихI къолареб* [Там же]. / *Войску без предводителя на войне удачи не прибудет. БетIер гъечIесул гъури-муч кIудияб, жаниб месеху гъечIеб цIулакьодул гъвар-гъвар кIудияб* [Там же]. / *У глупца хвастливых разговоров много, еще больше шума от его головы, забитой соломой*.

В русском языке, в свою очередь, общеупотребительны такие пейоративы, как *без царя в голове, ветер в голове*:

Он знает, что он краугольный камень и что в этом чине ему не только без арифметики, но и совсем без царя в голове прожить можно (М. Е. Салтыков-Щедрин. Повести, рассказы и драматические сочинения) [13].

Хлестаков, молодой человек лет двадцати трех, тоненький, худенький; несколько приглуповат и, как говорят, без царя в голове, – один из тех людей, которых в канцеляриях называют пустейшими (Н. В. Гоголь. Ревизор) [Там же].

Любо, видите, как другой по его милости впросак попадет. Говорю вам, ветер в голове. Все бы ему над кем покуражиться (П. И. Мельников-Печерский. На горах) [Там же].

В части вербализации основных качеств человека в обоих языках часто употребляются фразеологизмы с одинаковыми компонентами, что указывает на некоторую общность в мировосприятии народов.

Например, образ змеи в русском языке прочно ассоциируется с коварством и хитростью, но в большей степени – с подлостью и злонамеренностью:

Прямо Ирод, а не человек. Всех заездил... Всех слопал... Змеей подкольной к мужикам присосался, кровушку-то из нас всю, как пиявица, вытил (В. Шишков. Краля) [Там же].

Ступай к нему, змея подколодная, иди под крыло и покровительство тебе подобного Калиновича (А. Писемский. Тысяча душ) [Там же]!

Рюхин тяжело дышал, был красен и думал только об одном, что он отогрел у себя на груди змею, что он принял участие в том, кто оказался... злобным врагом (Булгаков. Мастер и Маргарита) [Там же].

В аварском языке, так же как и в русском, змея олицетворяет собой коварство, хитрость. Вместе с тем семантическую доминанту большинства выявленных примеров употребления в аварском языке устойчивых выражений с компонентом «борохъ» (змея) составляют лицемерие, двуличие:

Мискинай Мария, лъикIай Мария! Лъалеб гъечIо дуда кинаб борхъица дур бахъинаб керен кваналеб бугеб [6, с. 207]. / Бедная Мария, прекрасная Мария! Не знаешь ты, какая змея тебя ест.

Дидехун рокы бугел, рокъукълъи бугониги, ракъандаса гIус бихъун, чанги хIарпал гымарал [5, с. 125]. / Хоть и любили меня многие, но при улыбке все же у некоторых «змей», так или иначе, проглядывали ядовитые зубы.

Исследование пейоративных фразеологических единиц (далее – ПФЕ) по принципу транспарентности показывает наличие в аварском и русском языках структур со степенью полной соотносительности. Данный факт указывает на то, что, несмотря на все различия, имеющиеся в двух разных языках, характер отношения к определенным явлениям и их восприятие представителями разных наций в целом не меняются и обуславливают пейоративную оценку.

БачIуна Гагарлъи гIусманилазул, жидер ясин абун, бала гъалда къвал –

Асиятида гъеб бихъулеб буго, борохъ черхалда тIад жемудеб гIадин [7, с. 473]. / Приходят родственники Османа, называют якобы своей родней, лезут обниматься – Асият видит их насквозь, змей, вьющихся вокруг нее.

Фразеологизм *борохъ черхалда тIад жемудеб гIадин* (букв. будто змея тело обвила) является языковым пейоративом, так как обладает ингерентной пейоративной семантикой. Данный фразеологизм можно назвать безэквивалентным, так как ближайший его эквивалент русского языка – *пригреть змею на груди* – является не соответствующим ему семантически. В аварском варианте смысловое поле фразеологизма строится вокруг семантического ядра – лицемерия. Из примера видно, что поведение объектов номинации обусловлено не конкретно злонамеренностью, а прикрытой неискренностью, притворными чистосердечием и добродетелью.

В свою очередь, *пригреть змею на груди* – проявлять внимание, заботу, любовь к человеку, который впоследствии отплатит неблагодарностью. Выражение пришло в русский язык из древнегреческой притчи о землелепашце, который нашел замерзшую змею и положил ее к себе за пазуху. Отогревшись, она ужалила своего спасителя. Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что семантически русская ПФЕ обозначает коварство и подлость и не является эквивалентом аварской.

В тот момент я понял, что пригрел на груди змею, что ему – все: и самая вкусная жратва в ресторанах fast food, и растворимый кофе по утрам, и случайные женщины в постели, и модная одежда из thrift'a и многое другое, а в ответ – черная неблагодарность (Б. Левин. Иностранное тело) [13].

Несчастный приговоренный Геннадий едет в свою подконвойную жизнь, ей же, впервые за долгое время, кажется, что она распрямилась, дышит уверенно, полной грудью. Змея, подколодная змея (Л. Зорин. Глас народа) [Там же].

И сам я то думаю, дядюшка... а с ним еще и Федор Басманов; не горазд я охоч и до Басманова... речь-то у него медовая, очи и ланиты девичьи, а как засмеется, так ровно змея подколодна (М. Ямщикова. Гроза на Москве) [Там же].

Как видно из примеров, в аварском и русском языке отсутствуют прямые эквиваленты ПФЕ, имеются расхождения на уровне компонентов фразеологических единиц. Вместе с тем в целом образ змеи ассоциируется с аморальными качествами, различия в компонентах фразеологизмов *пригреть змею на груди* и *борохъица керен кваназе* (букв. змея, пожирающая грудь) указывают нам не на религиозные аспекты, а на бытовые, культурные, влияющие на способ вербализации семантики неодобрения. В исламе змеи относятся к типу живых существ, которые причиняют вред, и их убийство разрешено. В христианстве змей олицетворяет дьявола, искушителя, врага Бога и участника грехопадения, коварство и лукавство. При этом в русском фольклоре змея нередко олицетворяет и мудрость.

Русская билингвальная фразеологическая единица *сердце упало* характеризует уныние, тоску, тревогу у кого-либо. Эмотивность данного фразеологизма можно параметризовать как нейтральную.

У Охони даже сердце упало, когда она увидела воеводских «приставов»: надо было сейчас же бежать из города, а теперь воевода опомнился и опять посадит батю в темницу (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Охонины брови) [Там же].

Вместе с тем нередко фразеологизм реализует пейоративную эмоему посредством уничижения смятения и растерянности, приобретая негативную оценочность.

Ступай вниз и скажи околоточному, чтобы пришел сюда; и ты с ним возвращайся. Сердце упало у Василия. Очевидно, вся его комедия была ни к чему (Ф. М. Степняк-Личкус. Андрей Кожухов) [Там же].

Олечка подняла на него глаза и медленно так, в упор, улыбнулась редкой своей усмешкой. Мать честная, у Зотова сердце упало (М. Л. Анчаров. Как Птица Гаруда) [Там же].

Учитывая вышеизложенное, можно говорить о биэмотивности данного фразеологизма со значением «растерянность», «тревога».

В аварском языке имеется эквивалент указанной ПФЕ – *ракI бихъун* – быть растерянным, в сильном смятении, сердце упало, сам не свой (букв. сердце разрушив).

ПоцтIокъ бетIер лъураб мехаль кинигин, Мазена ракI биххун, хIинкъун сорола: моцIроца гъумерги гвангъизе гъабун, гургинал бералги паркъезе гъарун. / Узнав о своей возможной казни, у Мазены сердце упало, тело задрожало, лицо побледнело, как Луна, глаза забегали [11, с. 285].

Аварский эквивалент является мономотивным. Семантический смысл ПФЕ определяется «трусостью», «малодушием». Соматизм «сердце» в составе фразеологизмов широко представлен в аварском языке. Конкретно в данном примере «разрушенное сердце» объекта пейорации обозначает исчезнувшую храбрость. Отсутствие мужества перед лицом опасности расценивается как отклонение от культурных установок, связанных с образцами поведения мужчины, и, таким образом, подвергается уничижению.

Пейоративами со степенью полной соотнесенности в обоих языках можно считать русский фразеологизм *душа в пятки ушла* и *ургыб ракI биларал* (букв. в утробе (своей) сердце (смелость) потерявшие). Подразумевается, что от испуга вся храбрость сосредотачивается в ногах и люди, таким образом, обретают необыкновенную быстроту бега. Сходную картину наблюдаем и в аварском языке, в котором сердце олицетворяет храбрость. Потерять сердце в утробе семантически означает храбрость и мужество, которые внезапно «улетучились».

Ургыб ракI биларал цIукIунабаца нужер цIарал росун немцахъе къуна. / Трусы, у которых душа ушла в пятки, достали сведения о вас и передали немцам [2, с. 753].

Аварская ПФЕ отрицательной полярности обладает моносемичностью, так как *ургыб ракI биларал* означает трусливых, малодушных людей. Уничижению подвергается безвозмездное предоставление информации противнику.

Цинги цай угъдулеб, ургыб билараб ракI! Дуца гуриц дида рокыи мальгараб [1, с. 150]? / Почему сейчас охаешь, душа в пятки ушла? Не ты ли мне про любовь говорил?

Рассмотрим примеры в русском языке.

Но как увидели русские корабли – душа в пятки ушла, – они и давай бежать (Н. А. Полевой. Рассказы русского солдата) [13].

Как поймет он это, да как посравнит свою собственную силенку с силой царской да барской, так у него, пожалуй, со страху-то и душа в пятки уйдет (Рабочая газета. 1881. № 3) [Там же]!

На улицах все чаще и чаще встречался тот крепкий, сельским хлебом выкормленный народ, при виде которого у заморенного городского жителя уходит душа в пятки (М. Е. Салтыков-Щедрин. Помпадурцы и помпадурши) [Там же].

У Вахрушки вперед уходила душа в пятки, и он трепетал за свой пост, вероятно, больше, чем какой-нибудь министр или президент (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Хлеб) [Там же].

Как показывают приведенные примеры, фразеологизм *душа в пятки ушла* обладает языковой пейоративностью и поэтому мономотивен, имеет негативную полярность. Пейоратив является моносемичным, так как в основном обозначает внезапный страх и тревогу. Вместе с тем семантика неодобрения отсутствует в следующем примере:

Посмотрел Мичурин на мальчишку и повел его к дому. У мальчугана – совсем душа в пятки. Мичурин привел его к себе в дом, усадил возле стола, положил перед ним много книг да грудку красных яблок (В. Лебедев. Про Мичурину) [Там же]...

Отсутствие пейоративной коннотации в данном случае обусловлено возрастом ребенка, из-за которого социум не предъявляет каких-либо требований к нормам поведения.

Учитывая вышеизложенное, мы можем утверждать, что в аварском языке храбрость и мужество прочно ассоциируются с сердцем, в лексикографическом материале встречается частое употребление семантически верных соответствующему значению фразеологических структур с данным компонентом. Репрезентация трусости в аварском языке реализуется посредством ПФЕ с соматизмом «сердце». В свою очередь, в русской языковой картине мира храбрость – это, в первую очередь, сила духа. Именно с наличием у человека духа связываются в русском языке храбрость и мужество.

Отмеченные расхождения в коннотации одного и того же явления характерны для фразеологизмов самых разных языков как по структуре, так и по типологии, что подтверждает и наш языковой материал. Данные расхождения представляют собой несомненный интерес ввиду демонстрации одной и той же бытовой или жизненной ситуации через призму восприятия каждого из народов.

Список источников

1. **Абихасанов Н. М.** Сонал руго роржунел... Махачкала: Эпоха, 2007. 327 с.
2. **Аварско-русский словарь:** около 36 000 слов / под ред. М. М. Гимбатова. Махачкала: ДНЦ РАН, 2006. 1656 с.
3. **Вайсгербер Й. Л.** Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. М.: Эксмо-Пресс, 1993. 232 с.
4. **Вайсгербер Й. Л.** Язык и философия // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 114-124.
5. **Гамзатов Р. Г.** Собрание сочинений. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1972. Т. III. 372 с.
6. **Гамзатов Р. Г.** Собрание сочинений. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1995. Т. VI. 368 с.
7. **Гамзатов Р. Г.** Собрание сочинений. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2003. Т. IX. 568 с.
8. **Лескина С. В.** Категория пейоративности в русском и английском языках (на материале фразеологических единиц): дисс. ... д. филол. н. Челябинск, 2010. 447 с.
9. **Магомедханов М. М.** Аварско-русский фразеологический словарь (3000 единиц). Махачкала, 1993. 406 с.
10. **Магомедханов М. М.** Русско-аварский фразеологический словарь (1500 единиц). М.: Academia, 2007. 338 с.
11. **Магомедханов М. М.** Словарь устойчивых словосочетаний языка Расула Гамзатова (2000 единиц). Махачкала, 2012. 445 с.
12. **Маслова В. А.** Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с.

13. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения: 10.06.2017).
14. **Саидова А. М.** Аварские пословицы и поговорки [Электронный ресурс] / на аварском языке. URL: <http://www.avaruchitel.ru/folklor/poslovici/40-kicabi.html> (дата обращения: 12.06.2017).

SOME ISSUES OF THE COMPARATIVE ANALYSIS OF PEJORATIVE PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE RUSSIAN AND AVAR LANGUAGES

Dibirov Ibragim Ashrapudinovich, Doctor in Philology, Professor
Makhmudov Khadzhimurat Akhmaduevich
Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala
ibragim.58.58@mail.ru; mahmoodow@yandex.ru

This article deals with the peculiarities of the functioning of the category of pejorativity in the Avar language in comparison with the Russian language. The contrast-comparative analysis of the examples of the use of pejoratives in the Avar and Russian languages is conducted, the negative-evaluative connotation of which is aimed at violating social and moral norms by a human being. The main content of the research is the differentiation of discrepancies in the connotation of the same phenomenon, typical of the phraseological units of the most different languages both in structure and typology. In the article differences in the methods of verbalization of the same phenomena and actions by means of both languages are revealed. The attempt to assess and state the views on the process of the transition of negative connotation to the negative-evaluative one is defined as a research task by the authors.

Key words and phrases: comparative linguistics; negative evaluative nature; pejoratives; phraseological units; emotiveness.

УДК 811.511.151

Предмет исследования в статье – это лишительный падеж в горномарийском языке; он представлен в контексте разных словоформ с абессивным элементом и в сравнении с аналогичными явлениями в других финно-угорских, а также тюркских (чувашском и татарском) языках. Подробно рассматривается история изучения вопроса о форманте (показателе) абессива -де. Авторами впервые проанализированы имеющиеся в отечественной и зарубежной лингвистической науке подходы к исследованию абессива в горномарийском языке с точки зрения их актуальности и возможностей использования при доказательстве уникальности горномарийского языка в плане представленности в нем абессивных форм.

Ключевые слова и фразы: финно-угорское языкознание; горномарийский язык; луговомарийский язык; абессив; лишительный падеж.

Зорина Зоя Георгиевна, д. филол. н., профессор
Карташова Елена Павловна, д. филол. н., профессор
Бердинская Ирина Арсеньевна
Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола
zorinazoia@mail.ru; elena.karta77@mail.ru; irbis_28@list.ru

О ЛИШИТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ В ГОРНОМАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Абессив, или лишительный падеж, в горномарийском языке отвечает на вопросы *кјде?* – без кого?, *маде?* – без чего? и указывает на отсутствие какого-либо предмета или лица. Показателем лишительного падежа является *-de* (фонетические варианты *-te/-de*). Актуальность исследования абессива и его показателей определяется, во-первых, задачами системного изучения горномарийского языка, во-вторых, необходимостью определения его специфической структуры относительно луговомарийского языка. Цель данной статьи – анализ имеющихся научных мнений относительно абессива в горномарийском языке, его происхождения, абессивных формантов в рамках установления уникальности горномарийского языка в плане представленности в нем абессивных форм.

Формант абессива *-de/-te* считается древним финно-угорским суффиксом прилагательных с отрицательным или каритивным значением [15, S. 106-107]. По словам И. С. Галкина, «соответствия указанному суффиксу имеются во всех финно-угорских языках с тем же значением, но не в системе склонения, исключая прибалтийско-финские языки, а в отрицательных прилагательных и причастиях, осложненных другими суффиксами. Например: фин. *kädetön* – безрукий, *kädettä* – без руки (абессив), *voimaton* – бессильный от *voima* – сила, саам. *šalmēhtipmē* – безглазый от *šalme* – глаз, морд. *салвотомо бессольный* от *сал* – соль, манси *нялмтал* – безязыкий от *нялм* – язык, венг. *észtelen* – безрассудный от *ész* – ум, удм. *кышнотек* – без жены от *кышно* – жена, аймамтог – без родителей от *ай-мам* – родители, *пиньтем* – беззубый от *пинь* – зуб, коми *пиньтом* – беззубый от *пинь* –зуб» [2, с. 32].

Финский показатель абессива *-tta, -ttä* возводится обычно к более древнему суффиксу **-ttak, *-ttäk*. Как считал Д. В. Бубрих, элемент *-k* сходен формально с суффиксом латива *-k*, однако эту связь очень трудно выяснить в настоящее время [1, с. 30]. По свидетельству Н. Г. Зайцевой, в суффиксе абессива в свое время наблюдалось чередование *tt* с *t*, но позднее победил вариант *-tt* [3, с. 87]. По мнению большинства ученых,